

КРИСТИНА СОЛЬ

18+

ПОПАДАНКА В ТЕЛЕ ВЕДЬМЫ

МАГИЧЕСКИЙ ПЕТЕРБУРГ.
ТАЙНЫ ОРДЕНА.
ОПАСНАЯ ЛЮБОВЬ.

18+

Кристина Соль

Попаданка в теле ведьмы

«Автор»

2026

Соль К.

Попаданка в теле ведьмы / К. Соль — «Автор», 2026

Я умерла в воскресенье утром. Обычно в это время я пью кофе. Очнулась — в чужом теле, в чужом особняке, в Петербурге 1867 года. Тело принадлежит Варваре Светловой — вдове, ведьме на службе тайного Императорского Ордена. Её нашли без сознания при подозрительных обстоятельствах. А в архиве Ордена — следы трёх смертей, наспех закрытых как несчастные случаи. Граф Алексей Зарецкий — куратор Ордена и ментальный маг, который слышит любую ложь, — приходит разобраться, что случилось с его подопечной. И обнаруживает, что она жива. Почти. У меня три проблемы. Первая — я не знаю, кто убил Варвару. Вторая — убийца уверен, что дело закончено. Третья — граф смотрит на меня так, словно уже понял: что-то не так. И не останавливается.

Содержание

Глава 1. Архив	5
Глава 2. Куратор	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кристина Соль

Попаданка в теле ведьмы

Глава 1. Архив

Я умерла среди документов.

Есть в этом что-то закономерное. Восемь лет в историческом архиве — без отпусков, без выходных, без нормального сна. Коллеги говорили: Катя, ты когда-нибудь доработаешься. Я отвечала: до чего, до кандидатской? И смеялась. Оказалось — до аневризмы.

Последнее, что помню: каталожный ящик выдвинулся слишком резко, папка полетела, я потянулась. Резкое движение, вспышка в затылке — короткая, как удар — и темнота.

Тридцать один год, воскресенье, фонд «Петербургское дворянство 1840-1880». Конец — или, как выяснилось, пересадка.

Потолок был лепной, и я смотрела на него, не понимая, почему это важно. Просто смотрела — потому что больше ничего не могла. В голове крутилось одно: вспышка в затылке, темнота, вспышка в затылке, темнота. Белая лепнина, завитки, медальоны по углам — не белый пластик с люминесцентными лампами.

Голова болела. Я осторожно подняла руку — проверить, слушается ли тело. Тело слушалось.

Рука была чужая.

Я не сразу это поняла. Просто смотрела на пальцы и что-то не сходилось. Только через несколько секунд дошло: тонкие пальцы с перламутровыми ногтями — не мои. Браслет золотой — не мой. Запястье узкое, кожа светлая — чужая кожа, чужие руки.

У меня перехватило дыхание.

Я попыталась сесть. Получилось, но комната поплыла так резко, что я едва не легла обратно. Зажмурилась. Открыла глаза.

Большая спальня. Тяжёлые портьеры. Туалетный столик с зеркалом. Кровать с балдахином — вот эта, на которой я сижу. За окном серое небо и голые верхушки деревьев — не музей, не Москва.

Я смотрела на окно, и внутри что-то очень тихо начало паниковать. Не громко, не истерично. Просто тихо и настойчиво: это неправильно, это совсем неправильно.

— Барыня!

Дверь распахнулась. Я дёрнулась — чуть не упала с кровати.

Девушка. Молодая, рыжеватая, в белом чепце. Глаза красные, заплаканные. Увидела меня — прижала руки к груди.

— Господи милостивый. Очнулись.

Она кинулась ко мне — руки к щекам, ко лбу. Я сидела совершенно неподвижно и позволяла. Не потому что так надо — просто не знала, что делать.

— Всё хорошо, барыня? Вы слышите? Вы помните?

Голос у меня получился незнакомый. Чуть выше, мягче.

— Слышу, — сказала я.

Девушка расплакалась — быстро, тихо, с облегчением. Я смотрела на неё и думала только одно: она называет меня барыней. Значит, я здесь хозяйка. Значит, есть роль. Держись за роль — пока больше не за что.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Глаша, барыня. Ваша горничная. — Она подняла голову, посмотрела тревожно. — Вы не помните?

— Голова болит, — сказала я. Это была правда.

Глаша засуетилась — принесла воды, что-то говорила про лекаря, про три часа без сознания. Я пила воду маленькими глотками и осматривала комнату. Свечи в подсвечниках, не лампы. Платье на стуле — тёмное, с кринолином. Фарфоровый умывальник с кувшином. Туалетный столик с флаконами духов.

Девятнадцатый век. Я знала это не потому что спросила — а потому что восемь лет провела в его документах. Эту комнату я бы узнала с закрытыми глазами: запах воска, тяжесть ткани, форма подсвечников. Вторая половина девятнадцатого века, Петербург, судя по виду за окном. Только раньше это был архив. Теперь — за окном.

— Принеси зеркало, — сказала я.

В зеркале сидела незнакомка. Лет двадцати восьми — тридцати, тёмные волосы, выбившиеся из причёски, высокие скулы, серьёзный рот. Светло-карие глаза — сейчас растерянные. Красивая. Я отметила это механически, потому что надо было за что-то держаться.

Не я.

Я убрала прядь с плеча. Неприятно в зеркале убрала прядь с плеча. Меня затошнило — не от чужого отражения, просто накрыло всё сразу. Я сделала несколько медленных вдохов.

— Как меня зовут? — спросила я у Глаши.

— Варвара Николаевна Светлова, барыня. Вдова полковника Светлова. Четыре года уже как вдова.

— Принеси поесть, — сказала я. — И оставь меня ненадолго.

Когда за Глашей закрылась дверь, я опустила зеркало. Позволила себе одну минуту — просто сидела и чувствовала, каково это: не понимать вообще ничего. Ни где, ни как, ни зачем. Одна минута на то, чтобы это было страшно.

Минута прошла. Я подняла голову.

Итак. Катерина Морозова, тридцать один год, архивист. Умерла от разрыва аневризмы в воскресенье утром. Очнулась в чужом теле — некая Варвара Светлова, вдова, Петербург, девятнадцатый век. Каким образом — неизвестно. Что с настоящей Варварой — неизвестно. Известно одно: специализация Катерины Морозовой — Петербург, вторая половина девятнадцатого века. Если уж куда-то попадать, то хотя бы туда, где знаешь дорогу.

Вселенная, при всём своём безобразии, оказалась последовательной.

Глаша принесла чай и хлеб с маслом, холодную телятину. Я ела методично, не чувствуя особого вкуса, и изучала комнату.

Туалетный столик. Флаконы духов — три штуки, один очень дорогой, судя по хрусталу. Шкатулка деревянная, тёмная, с бронзовыми застёжками. Расчёска черепаховая. И ещё — в углу столика, отдельно от всего остального — небольшой предмет.

Камень. Тёмный, матовый, с тонким узором на поверхности. Лежал на сложенном кусочке бархата, будто его положили специально.

— Что это? — спросила я, кивнув в сторону столика.

Глаша проследила взгляд и едва заметно поморщилась.

— Не знаю, барыня. Вы его вчера вечером принесли. Сказали — не трогать.

Вчера вечером — до обморока. Я встала, подошла к столику, протянула руку к камню.

Пальцы дотронулись до поверхности — и я отдернула руку. Не потому что больно. Потому что камень что-то сделал — не физически, где-то внутри, в ощущениях. Как будто кто-то провёл рукой по закрытой двери и дверь отозвалась.

— Вы в порядке, барыня?

— Да, — сказала я. — Не трогай это. Ни в коем случае.

Я отошла от столика. Значит, у Варвары Светловой был какой-то артефакт — что-то, что реагировало на прикосновение, что она принесла домой вчера вечером и в тот же вечер оказалась «без сознания».

Я не верю в совпадения. Восемь лет работы с документами от этого вылечивают.

Глаша помогла мне переодеться — домашнее платье, простое, тёмно-синее. Причесала, суетила, поглядывала тревожно.

— Глаша, — сказала я, пока та закалывала последние шпильки, — Варвара Николаевна часто болела?

Горничная в зеркале моргнула.

— Никогда, барыня. Вы всегда были здоровы. — Она помолчала. — Вы о себе в третьем лице спросили.

— Голова кружится, — объяснила я. — Кто знает, что я... что со мной случилось?

— Я послала за лекарем сразу, как нашла вас. Он осмотрел, сказал — сердечный обморок, ничего опасного. И ещё...

— Что ещё?

— Я написала в Орден, барыня. Как вы велели. Если со мной что случится — сразу в Орден.

Я смотрела на своё отражение и думала, что Варвара Светлова явно состояла в какой-то организации. Достаточно важной, чтобы сообщать туда в экстренных случаях.

— Правильно сделала, — сказала я. — От них должны прийти. Может, уже сегодня.

Я взяла со столика самый безобидный на вид флакон духов — и тут же почувствовала то же самое, что от камня. Слабее, едва уловимо. Опустила. Взяла другой. Ничего. Третий — снова след.

Браслет на запястье отозвался как удар колокола. Тихий, но чёткий. Я едва не отдернула руку.

— Барыня?

— Всё хорошо.

Браслет. Флаконы один и три. Камень на бархате. Эти вещи были другими — не просто украшениями и парфюмом, моя рука чувствовала их при прикосновении. Я не знала, что это значит. Пока не знала. Но я умею работать с неизвестным — этому тоже учит архив.

Ответ от Ордена пришёл через два часа — не письмо, а человек.

Глаша вбежала в гостиную, где я сидела с книгой из библиотеки Варвары — первое, что нашла, чтобы занять руки и голову.

— Барыня, к вам граф Зарецкий.

Я отложила книгу. Расправила плечи. Мысленно прошла по тому, что знала: год, место, Орден, Варвара, артефакт. Я не знала, кто такой граф Зарецкий и каковы были её отношения с этим человеком. Единственная тактика — минимум слов. Слушать. Наблюдать. Не давать информации больше, чем просят.

Дверь открылась.

Я ожидала пожилого чиновника или усреднённого аристократа средних лет, каких в документах девятнадцатого века — пруд пруди. Граф Зарецкий не был ни тем, ни другим.

Высокий. Тёмно-русые волосы, гладко зачёсанные. Лет тридцати пяти — сорока, не больше. Одет безупречно — тёмный сюртук, белоснежная рубашка, перчатки светло-серые. Левую он снял у входа, правую оставил. Я отметила это машинально. Лицо правильное, закрытое — человек, который замечает всё, просто не показывает реакции. Серые глаза, внимательные до неудобства.

— Варвара Николаевна, — произнёс он. Голос низкий, ровный. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Граф Зарецкий. Благодарю, что приехали.

Он вошёл — движения точные, без лишнего. Сел в кресло напротив, не спросив разрешения, и это что-то говорило об их прежних отношениях. Достаточно близких, чтобы не церемониться.

— Расскажите, что произошло, — сказал он.

Не «как вы себя чувствуете». Расскажите что произошло — деловой вопрос человека, привыкшего получать точные ответы.

Я говорила то, что знала. То есть — почти ничего.

— Плохо помню. Голова кружилась, потом — темнота.

— Когда именно?

— Вечером.

— Где?

— Здесь. В доме.

Он не перебивал, не торопил — просто смотрел, и в этом взгляде было ощущение, что он слышит не только слова.

— Вы были одна?

— Да.

— Артефакт.

Я не дала себе замереть.

— Что?

— Глаша написала: вы принесли домой артефакт. Вечером, незадолго до обморока. — Он говорил ровно, как будто называл погоду. — Где он?

— В спальне. На туалетном столике.

— Покажите.

Мы прошли в спальню. Он сразу увидел камень — подошёл, остановился в шаге, смотрел не касаясь. Потом медленно стянул правую перчатку. Левая осталась на руке. Коснулся камня двумя пальцами.

Ничего видимого не произошло. Но выражение его лица изменилось — едва-едва, тень прошла.

— Где вы его взяли?

— Не помню. — Это была правда. Катерина Морозова его точно нигде не брала.

— Варвара Николаевна. Вы когда-нибудь теряли память раньше?

— Нет.

— Вас кто-нибудь посещал вчера вечером?

— Нет.

— Вы чувствуете себя собой?

Вопрос был странный. Не «вы чувствуете себя хорошо» — а «вы чувствуете себя собой». Как будто он допускал, что ответ может быть отрицательным.

— Насколько это возможно после обморока, — сказала я.

Он снова надел перчатку — медленно, тщательно, каждый палец отдельно. Жест человека, который привык скрывать руки.

— Я заберу артефакт. Вы останетесь дома до моего следующего визита. Никуда не выходить, никого не принимать без моего ведома.

— Вы отдаёте приказы, граф.

— Я куратор, — сказал он просто. — Это моя работа.

— Хорошо.

Уголок его рта едва дрогнул — Варвара, судя по всему, не была склонна соглашаться без возражений.

Он взял камень, обернул в принесённый с собой кусок замши, убрал во внутренний карман.

— Я вернусь завтра. Если что-то изменится — немедленно посылайте в Орден.

— Граф Зарецкий.

Он остановился.

— Артефакт опасен?

Небольшая пауза — я её поймала.

— Пока не знаю, — сказал он и вышел.

Я стояла у окна и смотрела, как внизу к крыльцу подают карету. Зарецкий вышел, не оглядываясь. Сел. Карета тронулась — красивая, тёмная, без гербов. Он не афишировал ни богатство, ни положение. Интересная деталь.

— Барыня, — позвала Глаша из дверей. — Вам принести ужин сюда или в столовую?

— Сюда, — сказала я, не оборачиваясь.

За окном был Петербург — настоящий, живой, не архивный. Серое небо над Фонтанкой. Кареты внизу. Газовые фонари, которые зажигали с наступлением темноты. Тысяча восемьсот шестьдесят седьмой год. Я знала этот год — знала, что через два года будет открыта первая в России женская гимназия, знала имена министров, даты реформ, названия газет. Знала всё об этом времени.

Кроме одного: кто такая Варвара Светлова и почему она умерла.

Потому что она умерла. В этом я была почти уверена. «Обморок» не объяснял артефакт, не объяснял взгляд Зарецкого — слишком внимательный, слишком ищущий.

Я потрогала браслет на запястье. Он снова отозвался — колокольный звук внутри, тихий и чёткий.

Варвара работала с артефактами. Браслет был артефактом. Флаконы — были. В голове начинало складываться что-то — пока ещё не в слова, просто в контуры.

Глаша принесла поднос и поставила на столик у окна.

— Глаша, — сказала я. — Варвара Николаевна вела дневник?

— Вела, барыня. Рабочий. Там всё про Орден, про задания. Вы его держали в ящике письменного стола, под замком.

— Ключ?

— На браслете, барыня. Маленький, на застёжке.

Я опустила взгляд на браслет и поднесла поближе — и правда. Крохотный ключик, встроенный в застёжку. Не украшение — инструмент.

— Спасибо. Иди.

Когда за Глашей закрылась дверь, я взяла поднос, переставила на письменный стол — большой, тёмного дерева, у дальней стены кабинета. Потрогала ящик. Заперто. Ключ подошёл с первого раза.

Внутри лежала тетрадь. Тонкая кожаная обложка, плотные страницы. Почерк мелкий, аккуратный — Варвара писала быстро, не завитушками.

Последняя запись датирована вчерашним числом.

Я начала читать — и у меня похолодело. Не от страха — от профессионального возбуждения человека, который нашёл ключевой документ.

Варвара Светлова что-то обнаружила в архивах Ордена. Что-то, что там не должно было быть. Она не написала прямо — сокращения, коды — но общий смысл читался. Три смерти за два года, официально — несчастные случаи. Артефакт она взяла как доказательство.

И последняя строчка, торопливая, будто писала второпях:

«Если с этим что-то случится — значит, я была права. З. — не сразу. Сначала проверить».

З. Зарецкий.

Я закрыла тетрадь. Сидела в тишине кабинета — петербургский вечер за окном, запах воска от свечей на столе, далёкий стук копыт.

Варвара нашла что-то опасное. Написала: если что-то случится — проверить, прежде чем идти к Зарецкому. Сегодня утром её нашли без сознания. Граф Зарецкий приехал через два часа после того, как в Орден отправили записку.

Очень быстро.

Я не делала выводов — выводы делаются после полного анализа, не после одного источника. Но вопрос стоял чётко.

Варвара боялась идти к своему куратору с тем, что нашла. Почему?

Конец первой главы

Глава 2. Куратор

Ночью я не спала — но не потому что было страшно. Я работала.

Дневник Варвары лежал на столе, рядом — листок, на котором я выписывала всё, что могла расшифровать. Сокращения и коды разворачивались медленно: Варвара явно не рассчитывала, что её записи будет читать кто-то другой. Но логика была, и логику я умею находить.

К трём часам ночи картина сложилась.

За последние два года в Ордене умерли три человека. Все — третьего круга. Официально: один от воспаления лёгких, один упал с лошади, одна — скоротечная чахотка. Варвара в это не верила. Почему — не написала прямо, только: «характер повреждений не соответствует». Медицины у меня нет, магии тоже пока нет. Но «характер повреждений» — это конкретная формулировка. Варвара видела что-то, что нельзя объяснить болезнью или несчастным случаем.

Артефакт она нашла в архиве Ордена, взяла тайно. Написала: «доказательство связи». Связи чего с чем — запись обрывалась.

И последнее: «З. — не сразу. Сначала проверить». Буква З. с точкой, и больше ничего.

Зарецкий — куратор. Значит, он должен быть первым, к кому идут с проблемами. Варвара написала: не сразу. Значит, либо она ему не доверяла, либо подозревала его причастность, либо — третий вариант — боялась подставить. Если куратор узнает, что подопечная нашла что-то опасное, он обязан будет действовать, а действие могло спугнуть. Все три варианта требовали проверки.

В четыре часа я убрала бумаги в ящик, заперла, легла.

Я умерла в воскресенье утром, сейчас, судя по всему, понедельник — прошли примерно сутки. За сутки я узнала: чужое имя, чужой адрес, чужую профессию, чужие тайны. Впереди — неизвестно сколько. Хуже бывало. Хотя, честно говоря, не припомню когда.

Зарецкий пришёл в десять утра.

Глаша доложила — «граф Зарецкий просит принять» — и по её лицу я поняла: это не было неожиданностью. Значит, он бывал здесь регулярно.

— Прими, — сказала я.

Я успела одеться и причесаться. Глаша помогла с пуговицами на спине — их было восемнадцать, и я пересчитала все, пока она застёгивала. Платье тёмно-серое, строгое — как раз для разговора, который будет непростым.

Зарецкий вошёл без стука — точнее, Глаша открыла дверь сама, и он вошёл с видом человека, которому здесь незачем стучать. Снова в сером сюртуке, снова перчатка на левой руке. Осмотрел меня — быстро, профессионально.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе. Садитесь.

Он сел в то же кресло, что вчера. Я устроилась напротив. Между нами — низкий столик, на котором Глаша поставила чай и к нему что-то с сахаром. На чай он не смотрел.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше. Голова болит меньше.

— Я изучил артефакт вчера вечером.

— И?

— Это вещественное доказательство из архива Ордена, — произнёс он ровно. — Зарегистрированный артефакт третьей степени опасности. Его не должно быть за пределами архива. Как он оказался у вас?

Лицо его было закрытым — я вчера уже успела это заметить, а теперь смотрела внимательнее. Никакого раздражения в вопросе, никакого обвинения. Просто вопрос.

— Не помню.

— Варвара Николаевна.

— Я правда не помню. После обморока многое смазалось.

— Вы правша, — произнёс он.

— Да.

— Вчера вы взяли кружку с водой левой рукой.

Я ровно выдохнула.

— Привычки меняются.

— Действительно, — сказал он. — Меняются.

Это прозвучало так, что можно было читать двойко. Я выбрала не читать никак.

— Граф Зарецкий, — сказала я, — вы хотите знать, почему я взяла артефакт из архива. Я хочу знать, что в нём такого опасного. Предлагаю обменяться.

В его лице мелькнуло что-то — ближе к оценке, чем к удивлению.

— Обменяться, — повторил он.

— Я скажу вам то, что помню. Вы скажете мне про артефакт. Мне кажется, это разумно.

— Вы изменились, Варвара Николаевна.

— Обморок влияет на людей по-разному.

Он взял наконец чашку со стола, отпил, поставил обратно — аккуратно, без звука.

— Артефакт содержит остаточный след некромантического ритуала, — произнёс он ровно. — Запрещённого. Орден классифицирует некромантию как магию высшей степени опасности. Практика запрещена уставом двести лет назад.

Я слушала.

— Этот артефакт был изъят у одного из магов Ордена три года назад, при расследовании его гибели. — Зарецкий говорил медленно, как будто выбирал каждое слово. — Расследование закрыли как несчастный случай. Артефакт должен был быть уничтожен. Вместо этого он оказался в архиве.

— Кто его туда поместил?

— Это я и пытаюсь выяснить.

— И поэтому вы приехали так быстро вчера, — сказала я. — Как только Глаша написала в Орден.

— Я куратор. Это моя работа — реагировать быстро.

— Или вы уже следили за этим артефактом.

Он поставил чашку, и несколько секунд смотрел на меня — долго, внимательно, как будто проверял что-то. Искал что-то за словами.

— Варвара Николаевна, — произнёс он наконец, — ментальный маг четвёртого круга чувствует эмоциональный фон собеседника. Не мысли — именно фон. Страх, ложь, замешательство. Вы это знаете.

Я знала это примерно двадцать секунд — ровно столько, сколько он только что говорил.

— Я знаю, — сказала я.

— Тогда вы понимаете, что я слышу. Что вы не лжёте, когда говорите, что не помните. Вы действительно не помните. Но вы что-то скрываете — и это не страх, это осторожность.

Вот это было неожиданно. Не сам факт ментальной магии — а то, что он сказал мне об этом прямо. Предупредил. Зачем?

— Вы правы, — сказала я. — Я осторожна.

— Почему?

— Потому что не знаю, кому можно доверять.

Это была правда. Варвара написала: «З. — не сразу». Я не знала, что это значило. Пока не знала.

— Вы раньше мне доверяли, — произнёс он тихо.

— Может быть. Но я плохо помню «раньше».

Он ушёл через полчаса — те же инструкции, что вчера: из дома не выходить, в Орден не ездить без его сопровождения. Я снова согласилась, и он снова едва заметно удивился.

Когда за ним закрылась дверь, я подошла к окну. Карета тронулась — красивая, тёмная, без гербов. Не афишировал ни богатство, ни положение. Интересная деталь.

— Барыня, — позвала Глаша из дверей. — Из Ордена пришло письмо. Пока граф был у вас, принесли.

Она протянула конверт. Плотная бумага, сургучная печать — незнакомый герб, не орденский.

— Кто принёс?

— Мальчик. Сказал — велено передать лично Варваре Николаевне Светловой.

Я вскрыла конверт. Внутри — один лист, без подписи. Несколько строк мелким почерком, совсем не похожим на канцелярский:

«Варвара Николаевна. Вы нашли то, что искали, — и теперь они знают. Не доверяйте куратору. Не доверяйте архиву. Если хотите узнать, что случилось с тремя магами, — приходите сегодня вечером. Угол Гороховой и Садовой, книжная лавка Крамера. Спросите том Пушкина за семь рублей. Приходите одна».

Книжная лавка. Пушкин за семь рублей. Явка с паролем, прямо как в романах про революционеров — которых в 1867 году, к слову, уже хватало.

— Это письмо — ты никому не говоришь, — сказала я Глаше. — Поняла? Особенно графу Зарецкому. Если он спросит — никакого письма не было.

Глаша немного испугалась — но кивнула.

Я убрала письмо за корсаж и подошла к окну. Серый ноябрьский день, Фонтанка внизу, мокрая мостовая, извозчики.

Не доверяйте куратору. Варвара написала: «З. — не сразу». Два независимых источника — сама Варвара и неизвестный, который знает про трёх мертвецов.

В архивной работе два независимых источника — это уже что-то.

С Орденом я разобралась к обеду.

Не с самим Орденом — с тем, что успела найти в кабинете Варвары. Там был шкаф с рабочими бумагами: задания, отчёты, переписка. Три часа я читала.

Орден Хранителей — реальная структура, встроенная в имперский аппарат. Финансирование из казны, подчинение напрямую Министерству внутренних дел, о существовании не знает никто, кроме посвящённых. Маги проходят проверку, регистрируются в реестре, получают куратора — старшего мага, который отвечает за их работу и безопасность.

Варвара Светлова — специалист по артефактам. Работала с архивом Ордена: каталогизировала, проверяла подлинность, выявляла фальсификации. Именно поэтому она нашла то, что нашла — это была её работа.

Зарецкий Алексей Дмитриевич, граф — куратор в петербургском отделении. В Ордене семнадцать лет. Специализация — ментальная магия. Четвёртый круг, высший.

Я прочитала его личное дело трижды. Образцовый куратор. Ни одного закрытого расследования без результата. Ни одной потери среди подопечных за семнадцать лет.

До трёх смертей за два года. Которые расследовал он. Которые закрыл как несчастные случаи.

Я отложила бумаги и потёрла виски — голова снова начинала болеть, хотя сейчас это было уже моей головой, я к ней привыкала.

Три смерти. Зарецкий расследовал. Закрыл. Артефакт с некромантическим следом осел в архиве вместо того, чтобы быть уничтоженным. Варвара написала: не сразу идти к куратору. Неизвестный написал: не доверяйте куратору. А сам Зарецкий сегодня утром сказал: я слежу за этим артефактом. Слежу — или прятал?

В четыре часа дня я попросила Глашу достать тёмный плащ с капюшоном.

— Барыня, граф велел из дома не выходить.

— Граф не мой муж.

Глаша помолчала, потом принесла плащ — тёмно-синий, почти чёрный, с большим капюшоном, хорошо скрывавшим лицо. Я оделась сама.

— Я вернусь через два часа. Если приедет граф Зарецкий — скажи, что я отдыхаю и просила не беспокоить.

— А если он не поверит?

— Скажи ещё раз.

Глаша вздохнула. Я вышла.

Петербург в ноябре — это отдельный разговор.

Я знала это из документов: жалобы чиновников на сырость, описания в письмах, медицинские отчёты о простудах. Но одно дело — читать, другое — идти по мостовой, когда ветер с Невы бьёт в лицо и под ногами мокрый булыжник.

Холодно. По-настоящему холодно.

Я шла быстро — Гороховая улица была в двадцати минутах пешком, я проверила по плану города. Петербург я знала неплохо — не как живой человек, а как архивист: улицы, кварталы, логика застройки. Маршрут выстраивался в голове сам.

По дороге я смотрела. Это было непроизвольно — профессиональная деформация. Настоящие кареты, вывески, люди в пальто с меховыми воротниками. Женщина в розовом капоре у булочной. Двое военных, разговаривающих на углу. Мальчишка-газетчик, кричащий что-то про «последние новости». Газовый фонарь — фонарщик тянулся к нему с длинной палкой, уже темнело.

Всё это я видела в тысяче документов. А вот оно — живое, настоящее, горит.

— Барыня, не стойте на ветру, — сказал фонарщик, не оборачиваясь.

— Извините, — сказала я и пошла дальше.

Книжная лавка Крамера обнаружилась именно там, где было написано.

Небольшое помещение, заставленное стеллажами до потолка. Запах старой бумаги и табака. За прилавком — пожилой мужчина в очках, читал что-то при свете лампы.

— Добрый вечер, — сказал он, когда я вошла.

— Добрый. Я ищу том Пушкина. За семь рублей.

Мужчина снял очки, посмотрел на меня — внимательно, оценивающе.

— Подождите минуту.

Ушёл за стеллажи. Я рассматривала полки — Тургенев, Гончаров, Достоевский, «Преступление и наказание» только год как вышло, 1866-й. Я скользнула взглядом по корешку.

— Вы пришли.

Из-за стеллажей вышел не хозяин лавки, а женщина — лет сорока пяти, в скромном тёмном платье, с гладко зачёсанными волосами. Лицо строгое, умное. Взгляд — как на человека, которого давно знают.

— Варвара Николаевна. Я думала, вы не придёте.

— Я почти не пришла, — сказала я честно.

— Садитесь. — Она кивнула на два кресла в углу, явно поставленных специально — не для покупателей. — Меня зовут Агриппина Нестерова. Старший архивариус Ордена.

Я села. Значит, она работала с Варварой. Возможно, именно она послала письмо.

— Это вы написали?

— Да.

— Почему не пришли сами?

— За мной следят. Уже три дня — с тех пор, как я поняла, что вы что-то нашли. — Она помолчала. — Вы выглядите иначе.

— Обморок.

— Не только. Я знаю Варвару двадцать лет. Вы держитесь иначе. Смотрите иначе. Что с ней случилось?

Архивист, двадцать лет в Ордене. Прислала предупреждение. Рискнула прийти. Это или союзник, или очень хорошая ловушка. Я решила рискнуть — наполовину.

— Я не Варвара.

Агриппина не удивилась. Только чуть прикрыла глаза — на секунду.

— Я так и подумала. Значит, она всё-таки мертва.

— Я не знаю точно. Я — другой человек. Очнулась в её теле вчера утром.

— Откуда вы?

— Из другого времени. Вам это ничего не скажет.

Агриппина помолчала.

— Некромантия, — произнесла она наконец.

— Что?

— Варвара нашла доказательство некромантического ритуала. Такого, который позволяет перемещать сознание. Я думала, это теория — тексты из запрещённого раздела, средневековые источники. Но если вы здесь — значит, кто-то это применил.

— Кто?

— Не знаю. — Агриппина подняла взгляд. — Но я знаю, кто расследовал три смерти и закрыл дела. Граф Зарецкий.

В лавке было тихо. Хозяин за прилавком демонстративно читал и не смотрел в нашу сторону.

— Я слышала это уже дважды, — сказала я. — Один раз от Варвары — в её записях. Один раз от вас. Но я видела его личное дело. Семнадцать лет без потерь. Образцовый куратор.

— До двух лет назад.

— До трёх смертей.

— Да. Те трое, которые умерли — все за несколько дней до смерти запрашивали один и тот же раздел в архиве. Запрещённые ритуалы, некромантический блок. Запрос проходит через куратора. Зарецкий знал, что они туда смотрели.

Архивист, который говорит «запрос проходит через куратора» — это значит, у куратора есть доступ к информации о том, что ищут его подопечные. Зарецкий знал. Трое умерли. Варвара тоже запрашивала этот раздел. Варвара тоже умерла — или почти умерла.

— Почему вы не пошли с этим выше? — спросила я.

Агриппина посмотрела на меня с таким выражением, что мне стало неловко за вопрос.

— Выше Зарецкого в петербургском отделении — только глава. Барон Корф. Он назначил Зарецкого куратором семнадцать лет назад. Они дружат.

Замкнутая система. Жаловаться некому.

— Что вы хотите от меня?

— Чтобы вы нашли доказательство. Варвара была близко. У неё был артефакт. Если он у вас — у вас есть начало. Дар Варвары работает с вами?

— Работает. Я не понимаю пока как.

— Она чувствовала фальсификации — в документах, в артефактах. Это редкий дар, называется «архивное чутьё». — Агриппина чуть улыбнулась — невесело. — Неудивительно, что её убили. С таким даром она рано или поздно нашла бы всё.

— Артефакт Зарецкий забрал.

— Знаю. Но след остался у вас — дар помнит то, к чему прикасался. — Агриппина встала: разговор заканчивался, она явно торопилась. — В архиве Ордена есть ещё три папки. Я не могу к ним подойти — за мной следят. Но у вас есть доступ как у Варвары Светловой.

— Зарецкий велел не ходить в Орден без него.

— Знаю. — Она помолчала. — Это ваш выбор.

— Агриппина Михайловна. Вы уверены, что это Зарецкий?

Долгая пауза.

— Нет. Не уверена. Я уверена, что три человека мертвы и что у них был один куратор. Остальное — ваша работа.

Она ушла за стеллажи — быстро, бесшумно. Я расплатилась с хозяином за том Тургенева — купила просто так, чтобы выйти с книгой — и вышла на улицу.

Уже совсем стемнело. Я шла по Гороховой, прижимая книгу под мышкой, и думала.

Два источника говорят: не доверяйте Зарецкому. Оба — внутри Ордена, оба знали ситуацию изнутри. Оба не назвали его виновным прямо — только «будьте осторожны», «не сразу», «не доверяйте». Сам Зарецкий сегодня утром предупредил меня о своей магии. Зачем предупреждать человека, которого хочешь обмануть?

Если он виновен — предупреждение было ошибкой. Если не виновен — честностью. Данных не хватало.

Нужны три папки из архива Ордена. И для этого придётся либо пойти туда с Зарецким, либо без него. Одна проблема: если с ним — он будет рядом, и если он виновен, не даст найти то, что нужно. Если без него — и он невиновен — я нарушу прямое указание куратора.

Я остановилась у фонаря, взвесила.

Потом подумала: я умерла в архиве. Это, по крайней мере, была моя смерть. Здесь умерла Варвара — не моя. И кто-то за этим стоит.

Завтра. Архив Ордена. Одна. Потом разберёмся с последствиями.

Зарецкий ждал в гостиной.

Я не ожидала его там — но он сидел в кресле у камина с чашкой чая и читал что-то. Поднял взгляд, когда я вошла. Посмотрел на плащ, на книгу в моих руках, на то, что за окном давно темно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.